

УДК 327.5; 327.7; 326.8

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© 2013 г. **М.В. Братерский***

НИУ-ВШЭ, Москва

Как считает автор, США, восприняв российские проекты евразийской интеграции всерьез, в настоящее время определяются в своём понимании российской стратегии: в какой степени российская внешняя политика ориентирована на борьбу за рынки и рост своей экономики, а в какой – на создание в Евразии региональной политико-экономической подсистемы с новым региональным центром силы в Москве.

Ключевые слова: *Евразия, экономическая интеграция, интеграционное объединение, центр силы, политика США, политика России.*

В декабре 2012 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон, встречаясь с юристами из неправительственных организаций в Дублине, высказалась по поводу российских интеграционных планов на постсоветском пространстве. Она охарактеризовала их как «шаг к ресоветизации региона» и заметила, что «мы [США] понимаем, какова цель этих усилий и стараемся определить эффективные методы замедлить или предотвратить это» [12].

Нельзя сказать, что слова госсекретаря вызвали сильную международную реакцию, но пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков на них отреагировал и охарактеризовал слова Клинтон как «совершенно неверное понимание» процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Х. Клинтон в одном частном комментарии говорила о том, что новый СССР может быть создан под другими названиями – как Таможенный союз или Евразийский Союз. «Существует движение в сторону ресоветизации региона. Это не будет называться именно так. Это будет называться "Таможенным союзом", это будет называться "Евразийским Союзом" и всё в таком роде. Не будем заблуждаться на этот счёт» [5]. Означают ли эти слова новое понимание Соединёнными Штатами процессов, инициируемых Россией на постсоветском пространстве и начало пересмотра американской политики невмешательства, рождённой «перезагрузкой»?

Пресс-секретарь Госдепартамента В. Нуланд, поставленная перед необходимостью прокомментировать вышеприведённые слова госсекретаря, ограничилась общими фразами и подчеркнула, что эти слова госсекретарь сказала в частной, не публичной беседе [25]. Вместе с тем очевидно, что Х. Клинтон сказала то, что она думает, и что ведущие политики Соединён-

* **БРАТЕРСКИЙ** Максим Владимирович – доктор политических наук, профессор НИУ-ВШЭ, старший научный сотрудник ИСКРАН. E-mail bratersky@gmail.com

ных Штатов начали воспринимать российские планы на постсоветском пространстве со всей серьёзностью.

Сегодня американская политика в этом регионе находится на распутье. Новая администрация Обамы либо может продолжить стратегическую линию «перезагрузки» отношений с Россией, которая, прежде всего, означала отказ от активного вовлечения Соединённых Штатов на постсоветском пространстве и противодействия там политике России, либо может вернуться к политике, характерной для времён Дж. Буша-мл., который отказывался даже в малой степени уважать интересы России в регионе и, преследуя различные тактические цели, раздёргивал постсоветское пространство на лоскуты.

Предлагаемая статья ставит своей целью проанализировать цели российской политики в отношении интеграционных объединений на постсоветском пространстве исходя из задач, которые в принципе могут решаться политикой интеграции и регионализации. Второй задачей данной статьи будет соотнесение целей российской политики в регионе с внешнеполитическими интересами США и определение того, насколько задачи российской и американской политики на постсоветском пространстве непротиворечивы или расходятся.

В ходе анализа мы намерены привести аргументы в пользу следующих выводов:

1. Наряду с решением узкоэкономических задач, российская политика интеграции нацелена на решение экономических задач, имеющих геополитическое значение. Сверхзадачей российской политики является создание регионального экономического объединения, обладающего существенным экономическим суверенитетом и высоким политическим влиянием, т.е. нового центра силы.

2. Российская интеграционная политика в Евразии не формулируется как антиамериканская, но в случае успеха её следствием станет выход части мирового рынка из-под политического влияния США. Такая линия затрагивает финансово-экономические интересы Соединённых Штатов, но не создаёт угрозы интересам национальной безопасности США. Можно ожидать, что США будут противодействовать интеграционной политике России, но не сделают подобное противодействие своим главным приоритетом.

Глобальный контекст евразийской интеграции

Казалось, ещё вчера теоретики-международники страстно спорили друг с другом о перспективах исчезновения государств из мировой политики под давлением расширяющихся глобальных рынков. Сегодня эта иллюзия исчезла: современный мир всё больше представляет собой набор гигантских политико-экономических зон, сформировавшихся не только в Европе, но и вокруг США, Китая и Индии. В сердце постсоветского пространства своё политико-экономическое объединение формирует и Россия, что вскоре окончательно поставит её в один ряд с гигантами XXI века. Страны СНГ (за исключением Узбекистана и Азербайджана) уже сформировали зону свободной торговли. Таможенный Союз России, Белоруссии и Казахстана работает, запущен проект Единого экономического пространства. Для продолжения процесса интеграции

и вывода её на новый уровень создан наднациональный орган управления – Евразийская комиссия: вовсю обсуждаются планы создания качественно нового объединения – Евразийского Союза и присоединения к нему новых членов. Всё чаще речь идёт уже не только об общем рынке на бывшей территории СССР, но и о создании общей валютной зоны. Сегодня заматывается новый Шёлковый путь, создаётся фундамент новой Евразии – одного из глобальных экономических и политических игроков наступившего века.

Как формулируются цели российской интеграционной политики в Евразии? Пытается ли Россия просто сделать себя и своё окружение более конкурентоспособными и экономически привлекательными в глобальной экономике или Россия реализует принципиально иную повестку дня?

Являясь крупнейшими экспортёрами сырья и энергии, ведущие государства будущего Евразийского Союза не стоят перед классической проблемой конкуренции с другими странами за привлечение иностранного капитала; это иностранному капиталу приходится за них конкурировать. В этой ситуации политика России не объяснима классической теорией конкуренции государств [27] – так зачем же ей нужен этот проект? Как дополнительный щит против возрастающей международной конкуренции? Или планируемый Союз будет нацелен на защиту промышленности и услуг стран-участниц? Или мотивация к созданию нового Союза лежит в основном в культурной и политической областях?

Выгоды и мотивы российской политики

Основные исследовательские подходы к вопросу об эффективности региональных экономических объединений представлены в экономической и политической науках о международных отношениях. Поскольку в качестве главной ставится задача выяснения интересов стран – участниц Евразийской интеграции, особое внимание следует уделить подходам к оценке получаемых выгод, так как их размер и характер и является основным стимулом к интеграции.

Обычно, на первый план ставят **экономические выигрыши**, которые страны-участницы предполагают получить от этого процесса. Первые исследования экономической эффективности интеграционных схем появились достаточно давно, в 1950-х годах. Среди классических работ на эту тему можно вспомнить книги и статьи Дж. Вайнера [28], Дж. Миде [24] и Р. Липси [20], где показано, что создание региональных интеграционных схем создает между их участниками более *интенсивные торговые потоки*, чем с внешними странами, и поэтому способствует более быстрому росту их благосостояния. Эти выводы исходят из классических теорем политэкономии о выгоде торговли. Подчёркивалось также, что создание региональной экономической организации расширяет объём внутреннего рынка стран-участниц и даёт объединению большую *рыночную силу (market power)*, чем странам участникам по отдельности. Это, в свою очередь, позволяет участникам сформировать оптимальный тариф по отношению к третьим странам [19].

Общим для всех концепций экономической эффективности создания региональных экономических объединений является идея о том, что такого рода

региональные договорённости снижают «потери на трение» во взаимной торговле и взаиморасчётах стран-участниц и ведут к повышению их благосостояния. К объяснениям экономического плана также относится *теория оптимальных валютных зон* [13] (устранение расходов на конвертацию, валютных рисков), идея о повышении эффективности производства товаров и услуг за счёт *эффекта масштаба*. Функциональный анализ исходит из того, что государства создают различные международные институты (в том числе и региональные) для решения неких функциональных задач. Согласно такой точке зрения, укрепление региональных торгово-экономических связей подталкивает государства к созданию институтов, которые продвинут эти связи на новый уровень и тем самым повысят благосостояние участников [15]. Имеются также свидетельства тому, что региональные интеграционные институты способны в какой-то степени компенсировать «провалы» рынка (*market failures*) [8].

Подчеркнём, что при признании экономических выигрышей в результате интеграции для экономики в целом остаются открытыми несколько вопросов, весьма важных для принимающих решения политиков, а именно: об относительной полезности такого рода объединений для разных участников (какая страна выиграет относительно больше, а какая – относительно меньше) и как в результате внутри объединения изменится баланс богатства и влияния между участниками объединения. Важна и другая проблема – какие группы интересов в том или ином государстве от таких схем выигрывают, а какие – проигрывают. И, наконец, не последним является и вопрос об относительном перераспределении выгоды от государства (таможенные сборы) к бизнесу. В практической политике такого рода последствия создания региональных схем интеграции могут иметь большее значение, чем соображения об общей выгоде подобных проектов.

В какой степени российские политики руководствовались соображениями экономической выгоды, принимая решение о создании интеграционного объединения на территории бывшего Советского Союза? На сегодняшний день не существует универсального экономического метода определения экономических выгод от интеграции, хотя некоторые расчёты для российских политиков делались. К перспективам евразийской интеграции применялись два основных метода оценки эффективности экономической интеграции, основанные соответственно на модели общего экономического равновесия и эконометрических моделях.

Метод общего равновесия основан на определении и отслеживании изменений равновесной цены товаров, равновесных объёмов структуры производства по секторам экономики. В зависимости от изменения этих равновесных показателей меняется выигрыш или убытки всех экономических агентов (производителей, потребителей, государства). В приложении к государствам Евразии общее равновесие в условиях повышенной инфляции, волатильности рынков и неопределённости секторов экономики зачастую невозможно посчитать даже в пределах одной страны.

Эконометрические модели основаны чаще всего на методе частичного равновесия, что означает выборочный расчёт равновесных показателей по блокам.

Такие модели обсчитывают, как правило, разные показатели: тарифы, торговый баланс, национальные счета, объём трансграничных инвестиций.

Балансово-эконометрическая модель, подготовленная Центром развития НИУ ВШЭ, оценивала экономические выгоды интеграции для России как нулевые или отрицательные, для малых стран как прибыльные на уровне 1–1,5%. По оценке БЭМ, интеграция несколько более выгодна для Белоруссии и Казахстана и только в долгосрочном периоде может оказаться выгодной России [1].

Согласно модели лаборатории прогнозирования макроэкономических и региональных пропорций Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в доле от объёма ВВП, выигрыш должен был составить в 2005–2015 гг.: для России – дополнительно 6,5%, для Белоруссии – 8%, для Казахстана – около 5% [3]. Вместе с тем, такого эффекта, как замечал Ф. Клоцвог, автор прогноза, можно было бы достичь лишь при согласованной социальной, макроэкономической и инвестиционной политике, а также внедрением общей инвестиционной программы на межгосударственном уровне. Из приведённых данных видно, что ни одна из подготовленных моделей, с учётом отмеченных ограничений, особых экономических выгод России не обещала, хотя некоторые выгоды евразийским партнёрам по интеграции предполагались.

Экономические результаты 2011–2012 гг. оказались несколько лучше первоначальных прогнозов, хотя в ситуации продолжающегося экономического кризиса трудно судить, насколько реален и устойчив этот рост. Так, сообщалось, что в январе – сентябре 2012 г. объём взаимной торговли объединённых в Таможенный Союз и Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана составил 51,3 млрд. долл. – это на 9,9% больше уровня января – сентября 2011 г. Объём внешней торговли товарами стран ТС за январь – сентябрь 2012 г. составил 689,4 млрд. долл., что на 5,4% больше уровня января – сентября 2011 г. [2].

Дальнейшая перспектива углубления экономических выгод от интеграции выглядит положительно, но не потрясает своими объёмами. По оценкам Евразийского банка развития, углубление интеграции внутри ЕЭП России, Казахстана и Беларуси за счёт развития торговых связей, кооперации производств и выравнивания технологического уровня развития приведёт к тому, что 2030 г. совокупный годовой ВВП этих трёх стран будет примерно на 2,5% больше чем их совокупный ВВП в условиях отсутствия интеграции. По тем же оценкам, вступление Украины в ЕЭП могло бы добавить к прогнозируемому росту экономик стран-участниц ещё 1% за 20 лет [4].

Таким образом, видно, что определённые выгоды для экономик стран – участниц интеграционных процессов, в том числе и России, наблюдаются, хотя их объём достаточно скромный. Можно ли полагать, что Россия затеяла проект, растянувшийся на 15 лет и неизменно пользовавшийся вниманием и поддержкой российского руководства, лишь для того, чтобы добавить несколько процентов к своему ВВП на протяжении 20 лет, в то время как сравнимый и даже больший эффект можно достигнуть более простыми способами?

Ещё одной целью проектов экономической интеграции может быть интеграция **политическая**, т.е. создание системы политического управления в ре-

гионе на основе экономических институтов сотрудничества. Одна из точек зрения на взаимосвязь экономической и политической интеграции была разработана на европейском материале и состоит в том, что экономическое сотрудничество влечёт за собой углубление сотрудничества в политике, вплоть до унификации политических институтов. Иллюстрацией такого подхода служит модель экономической интеграции Б. Баласса [26].

Существует также весьма аргументированная точка зрения, согласно которой двигателем экономической интеграции являются в первую очередь политические интересы, и они же порой становятся препятствием для экономической интеграции, несмотря на очевидные «денежные» выгоды. Данный подход представляется не просто интересным, но и хорошо применимым к российской ситуации, где региональные схемы экономической интеграции формулируются не столько бизнес сообществом, сколько политическим руководством страны. Поскольку современная российская внешняя политика в существенной степени построена на видении мира с позиций реализма и конкурентной среды, основное внимание в ответе на поставленные вопросы, нами было уделено концепциям, указывающим на зависимость векторов расширения торговли и создания экономических блоков от системы военно-политических связей государства [18].

Анализ показывает, что экономические региональные объединения, как правило, являются продуктом военно-политического сотрудничества и что государства в большей степени склонны либерализовывать свою торговлю с политическими союзниками, чем с соперниками. Это хорошо объясняет реалии взаимодействия России с Казахстаном и Белоруссией и, видимо, в определённой мере отражает движущие силы российской интеграционной политики. Вместе с тем, предположения, что, иницилируя экономическую интеграцию на постсоветском пространстве, Россия всерьёз рассчитывает восстановить политической единство региона под своим управлением, не выдерживают столкновения с реальностью. История политических взаимоотношений России с Белоруссией, например, не оставляет ни тени сомнения не только в том, что Белоруссия не собирается ни в малейшей мере жертвовать своим политическим суверенитетом, но и в том, что Россия хорошо понимает эту принципиальную позицию постсоветских элит.

Третьей отправной точкой анализа роли и функции региональных объединений и истоков российской региональной политики является понимание **региона как подсистемы, формируемой и управляемой региональной державой-гегемоном и являющейся её политическим и экономическим ресурсом в мировой системе**. В отличие от мировой системы, региональная система не является закрытой, и при анализе выстраиваемых в ней взаимосвязей необходимо учитывать наличие внешних для неё факторов как военно-политического, так и финансово-экономического свойства. Тем не менее, в её центре находится региональный лидер, у которого есть как потенциал, так и воля выстраивать архитектуру региональной политической, экономической и финансовой системы.

Политику региональной экономической интеграции регионального военно-политического гегемона определяют два основных стимула.

Внешняя торговля генерирует выигрыш в экономической эффективности, которая может использоваться как способ укрепления военно-политической мощи державы. По этой причине у регионального гегемона нет сильной заинтересованности в расширении торговли с потенциальными соперниками и, наоборот, есть интерес к созданию регионального объединения, отделённого от соперника общим таможенным тарифом. Установление такого рода тарифа призвано перераспределить выигрыши от торговли в пользу державы – организатора Таможенного союза. Другой стимул состоит в том, что коммерческое усиление политических союзников укрепляет союз в целом – и его лидера в том числе [23].

Схожие по природе механизмы действуют и в рамках региональных валютных интеграционных проектов – то есть валютных зон. Параллельно с расширением географического пространства использования некоей валюты, расширяется и зона политического влияния государства, которое эту валюту эмитирует. Остальные государства-участники валютной зоны начинают всё больше зависеть в обеспечении своей финансовой стабильности от государства-гегемона, но и свобода рук государства-гегемона в своей денежной политике оказывается ограниченной – местный центр региональной финансовой системы вынужден поддерживать доверие к своей валюте и проводить стабильную денежную политику.

Таким образом, проекты экономической интеграции позволяют России приступить к решению задач, которые лежат не только в сфере чистой экономики. Создание Регионального экономического объединения (РЭО) означает образование рынка с большой ёмкостью, который может стать основой для более стабильного к мировым кризисам экономического развития, а, следовательно, и для укрепления суверенитета России и всего регионального объединения.

Образование такого рынка приведёт к более широкому использованию местных валют, в том числе рубля, взамен доллара и евро и сузит каналы распространения мировых экономических шоков на Россию и другие страны-участницы. Такое развитие событий, в частности, позволит развивать спектр финансовых услуг в рублях и, следовательно, зарабатывать на этом деньги, забрав часть рынка финансовых услуг из-под контроля зарубежных финансовых центров. Создание единого рынка будет означать и лучшие перспективы для отечественных товаропроизводителей.

На политическом уровне создание регионального экономического блока означает дальнейшее укрепление политических связей между участниками. Появляется механизм ежедневной гармонизации финансово-экономических, а, следовательно, и политических интересов. Зона РЭО станет менее подверженной политическому давлению извне через экономические инструменты (санкции, политически обусловленные кредиты). Укрепится новый центр экономической интеграции, а значит и политического влияния.

Концепция регионального доминирования позволяет выявить политические стимулы к вступлению в региональные экономические объединения с крупной державой и для «малых» государств региона. Легитимизация местных правящих режимов, получение неформальных гарантий военной защиты и общие с

интегратором наднациональные институты дают возможность посредством участия в принятии коллективных решений сдерживать экспансивные стремления интегратора. Часть суверенитета будет обменена на реальные экономические блага. Интересы России, в частности, состоят в том, что экономические выгоды от интеграции интегратор использовать для укрепления собственной экономической мощи и, как следствие, – военно-политической мощи; интегратор может стать эмитентом региональной валюты, что расширит зону политического влияния эмитента.

Предлагаемый взгляд на истоки российской интеграционной политики предполагает, что Россия приступила к созданию региональных экономических объединений для укрепления своих позиций в мировой политико-экономической системе. Такой политикой Россия отвечает на вызов, который был обозначен В.В. Путиным: «Ближайшие несколько лет будут переломными, и не только для России. Нас ждёт эпоха потрясений. Конкуренция растёт не только за сырьё, но и за человеческий капитал. От внутренней энергии наций всё будет зависеть. Рост потребления стал привычным. Это неплохо, но обеспечить его можно только с выходом на новый технологический уклад. Доля глобального пирога у отсталых стран будет на порядок меньше, чем у лидеров» [6].

Непосредственными целями России в создании РЭО являются повышение доходов своей экономики, стабилизация экономического роста за счёт расширения рынков сбыта и стабилизация денежной системы за счёт расширения зоны использования рубля. Намечаются и другие, более конкретные выгоды от таких проектов. Такая политика, в случае успеха, приведёт к стабилизации экономического роста страны, укреплению её позиций в мировой валютно-финансовой системе и подкреплению её политического суверенитета большей экономической самостоятельностью. Эти проекты не преследуют непосредственную цель воссоздания новой версии СССР, но способствуют консолидации части постсоветского пространства на экономической основе.

Американское понимание евразийской интеграции

Американская политика в отношении постсоветской интеграции как таковая ещё только формируется. С одной стороны, у неё есть определённая инерция и основа, состоящая в стратегии ослабления российского влияния на постсоветском пространстве и раздёргивания постсоветских государств на разнообразные проекты, блоки и коалиции, формируемые вокруг политических (вроде ГУАМ), газовых (трубопроводы в обход России), военных (базы в Средней Азии), политтехнологических (цветные революции) и подобных им инициатив. Эту линию Соединённые Штаты начали проводить ещё при президенте Клинтоне и с большей или меньшей энергией проводят и по сей день. Следует отметить, что при первой администрации Обамы активность антироссийской американской политики на постсоветском пространстве значительно снизилась.

С другой стороны, американская политика в Евразии характеризуется определённой преемственностью. Поскольку до сих пор не выработано пока не-

кой особой линии в отношении евразийской интеграции, политика Вашингтона пока будет основываться на опыте взаимодействия с другими региональными экономическими объединениями. Разумеется, США не могли и не могут одинаково относиться к разным проектам, развернувшимся в разных регионах мира и имеющим разную природу. Вместе с тем, оставляя в стороне проект НАФТА, где инициаторами выступили сами Соединённые Штаты и где основой интеграции стали исключительно экономические интересы, без заметной политической составляющей, вспомним, как США восприняли идеи европейской интеграции и проект интеграции в Юго-Восточной Азии.

Рассматривая историю американской политики в отношении европейской интеграции, можно утверждать, что после достаточно короткого периода колебаний в 1945–1946 гг. США однозначно поддержали такие европейские задумки, как Общий рынок, Европейское объединение угля и стали, а также Европейское оборонное сообщество (последнее так и не было реализовано). По сути, США выступили ведущей силой в европейской интеграции в конце 1940-х годов, прежде всего посредством «Плана Маршалла». Американская заинтересованность в единой Европе объяснялась как логикой начавшейся «холодной войны», так и мессианским характером американской внешней политики. По мнению одного из авторитетных исследователей американо-европейских отношений, США планировали и надеялись, что в результате объединительных процессов Европа перестроится на основе американской федералистской модели, будет проводить более эффективную и рациональную политику, сможет более эффективно сдерживать СССР, что европейцы смогут сконцентрировать на обороне большие ресурсы и тем самым помогут уменьшить американские затраты на оборону. Наконец, США рассчитывали вписать Германию в систему европейских институтов с тем, чтобы связать ей руки на будущее и сделать интересы Европы неотделимыми от интересов Германии [20].

Отношения последующих американских администраций к европейской интеграции колебались, период энтузиазма сменился периодом скептицизма в 1970-х и особенно в период Р. Рейгана, но во все времена США жёстко настаивали на том, что новое региональное объединение должно быть дружественно настроено к Соединённым Штатам, а его оборонные усилия и структуры – быть вписаны в трансатлантическую конфигурацию при лидерстве США. Важнейший потенциальный раздражитель в американо-европейских отношениях – вопрос экономической конкуренции между Европой и США в течение многих десятилетий оставался под контролем политиков, приоритеты политического единства в условиях противостояния с Востоком перевешивали экономические противоречия.

Ситуация стала меняться с исчезновением с политической карты мира Советского Союза и окончанием «холодной войны», когда потребность в нерушимом политическом единстве с Европой любой экономической ценой отпала. США не выступили против плана по введению евро – этот шаг рассматривался американцами прежде всего как внутриевропейское политическое дело, как условие согласия Франции и Великобритании на объединение Германии.

Кроме того, большинство американских экономистов относились к этому проекту со скепсисом, не верили в его экономическую эффективность и не

считали, что новая валюта может серьёзно потеснить доллар и нанести ущерб экономическим интересам Соединённых Штатов.

Вместе с тем, существующая в Европе линия на усиление централизации и единообразия в Европейском Союзе встречала и продолжает встречать возражения со стороны части американского экспертного и политического сообщества. Так, анализируя нынешний кризис зоны единой европейской валюты, консерваторы из Фонда «Наследия» полагают, что будет стратегически выгоден развал зоны евро, так как, если проект европейского общего рынка способствовал развитию в Европе свободной торговли, то проект зоны евро, напротив, способствовал росту централизации, усилению бюрократии и подрыву принципа экономической свободы. «Соединённые Штаты ничего не выиграют свое поддержкой евро, которое, скорее всего, рухнет. Вашингтон не должен помогать ему удерживаться на плаву», – писал лет 15 назад Г. Лундестад [21, р. 137]. Такое мнение не содержит призывов содействовать углублению европейского кризиса – американские финансисты опасаются, что дефолт страны вроде Греции или коллапс крупного европейского финансового учреждения может породить цепочку неплатежей и затем ударить по американским рынкам и экономике. К тому же в США понимают, что проблемы в европейской финансовой системе приводят к ослаблению европейской экономики и, следовательно, к сокращению европейского импорта из США и к потере американцами своих заработков [22], а также, что в конечном плане евро является конкурентом американскому доллару и американским интересам – поэтому особенно поддерживать его не стоит.

У различных политических сил в США отношение к разным аспектам европейской интеграции неоднородно. Вместе с тем, можно попытаться сформулировать некую обобщённую позицию по вопросу о европейской интеграции сегодня. Она, видимо, состоит в том, что Соединённые Штаты в целом поддерживают идею европейской интеграции, пока она содействует развитию свободной торговли и политической конкуренции, и не принимают те её формы, которые ведут к усилению в Европе централизации политической власти и экономических и монетарных полномочий. Иными словами, США выступают за интеграцию в торговле и против интеграции в политике.

В контексте нашего анализа уместно рассмотреть основные моменты политики США и в отношении другого интеграционного объединения – АСЕАН. В отличие от Евросоюза, в АСЕАН нет ни малейших элементов наднациональности – страны – участницы объединения ревниво оберегают свой суверенитет, и о централизации каких-либо полномочий в рамках объединения речь никогда не шла и не идёт. Соединённые Штаты с самого начала поддержали усилия первых пяти членов АСЕАН, стремящихся обеспечить свою безопасность перед лицом угрозы китайского коммунизма. Соединённым Штатам не удалось в то время создать в регионе полноценный военный блок, и Вашингтон политически поддержал АСЕАН, за неимением лучшего варианта, но изначально эта поддержка предназначалась проекту с более выраженной военно-политической направленностью.

После окончания «холодной войны» США сократили своё военное присутствие в АТР, сочтя его избыточным, но продолжали поддерживать идею эко-

номической интеграции, так как это помогало стабилизировать там авторитарные режимы и давало американским компаниям новые возможности развития своего бизнеса. США оставались главным инвестором в регионе и его основным торговым партнёром, а в 2006 г. выступили с рядом инициатив, усиливающих элементы свободной торговли в регионе, что послужило дальнейшему углублению там экономической интеграции и расширению присутствия американских компаний.

При этом США следили за политической направленностью интеграционных процессов и их соответствием американским военным усилиям. Их интерес заключался и продолжает быть в том, чтобы экономическая интеграция стран региона несла и некоторую политическую составляющую, которая опиралась бы на американские военные усилия в регионе. Отсутствие такой политической компоненты оставляло бы им лишь роль спонсора военной безопасности в регионе, что не очень привлекательно для Соединённых Штатов.

Оценивая общее отношение США к интеграции по модели АСЕАН, следует отметить, что такая форма гармонирует с внешнеполитическими интересами и мировоззрением Соединённых Штатов лучше, чем европейская, так как не предполагает слишком глубокой политической интеграции, создания наднациональных органов и формирования ярко выраженного «центра силы». Вместе с тем, на примере американской линии в отношении АСЕАН виден и другой приоритет – некоторая военно-политическая интеграция на основе американского лидерства.

Обобщая анализ американской линии в отношении Евросоюза и АСЕАН, можно выделить несколько важных элементов, присутствующих в политике США в отношении региональных экономических объединений: это 1) поддержка политики свободной торговли; 2) неприятие создания наднациональных политических институтов, могущих формализовать возникновение регионального центра силы, и 3) наличие американского лидерства как условие поддержки любой схемы политической и военной интеграции.

Возвращаясь собственно к евразийскому проекту и анализируя формирующиеся сейчас американские подходы к нему, следует отметить, что в предыдущее двадцатилетие американская политика была направлена на другой объект – а именно на Россию и страны постсоветского пространства. Сегодня в американской политике растёт понимание того факта, что на постсоветском пространстве формируется – или уже сформировался – новый игрок, не идентичный сумме России, Казахстана и Белоруссии.

Достаточно скромный аналитический багаж, которым Соединённые Штаты могут похвалиться на данный момент, не содержит понимания будущей роли Евразийского Союза, его места в региональной и мировой политике и экономике, глобальных и региональных институтах. Концепции усиления влияния России в Средней Азии [11] и/или вытеснения оттуда Соединённых Штатов [17], о чём писали американские эксперты [10], уже не могут корректно отразить возникшую ситуацию.

Не вызывает сомнения, что в формировании своей политики на постсоветском пространстве новая администрация Обамы будет руководствоваться своим пониманием американских интересов и своим видением процессов, разво-

рачивающихся на постсоветской территории. Но полного понимания этих процессов у Соединённых Штатов пока нет, как нет и понимания того, что же именно Россия пытается выстроить на постсоветском пространстве. Американские оценки варьируются в широком диапазоне – от характеристики Евразийского Союза заместителем госсекретаря США как идеи, «которая пока не пошла дальше бумаги» [9], до оценки этих проектов как плана воссоздания СССР (Х. Клинтон). Обе эти оценки неточны, что видно из статьи В.В. Путина: «Во-первых, речь не идёт о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР. Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе – это веление времени» [7].

Интеллектуальная проблема, однако, заключается в том, что Россия неоднократно разъясняла, что она строит именно Таможенный Союз, Евразийское экономическое пространство, Евразийский Союз, – но никогда ясно не объясняла, зачем она это делает. Ещё точнее – разъяснения целей России в создании региональных объединений давались, они представлены, в частности, в цитируемой выше статье российского президента, но эти объяснения носят полностью либеральный характер и слабо сочетаются в основном с реалистическим внешнеполитическим курсом российского руководства. Официально Россией заявляются цели экономического плана (расширить рынок, увеличить товарооборот), но мало кто из политиков и экспертов верит, что российские интересы ограничиваются только этим.

Отмеченная концептуальная противоречивость, определённая недосказанность очевидна и американцам. В Белом доме растёт понимание того, что Россия затеяла нечто весьма амбициозное. Вместе с тем, точные контуры этого проекта американским политикам пока не совсем понятны, и они не могут определить, насколько российские планы в Евразии противоречат американским интересам, и нужно ли им противодействовать. Для наблюдателей остаётся размытым основное целеполагание российской стратегии: в какой степени российская политика ориентируется на борьбу за рынки, прибыль своих компаний и рост своей экономики, а в какой – на создание в Евразии нового регионального центра силы – региональной политико-экономической подсистемы с центром в Москве.

Как Соединённые Штаты выстроят свою позицию по отношению к евразийским проектам России? Консервативный журнал «Нэшнл интерес» (*National Interest*) предлагает пока подождать и ничего не предпринимать. Если дело ограничится расширением торговли России со странами Средней Азии, считает автор, то ничего плохого в этом нет. Главное, предостерегает он, чтобы Москва не начала перехватывать управление внешнеполитическим курсом стран – членов Евразийского Союза [22]. Но Москва, судя по всему, и не планирует это делать! Планы сфокусированы в большей степени на создании мощного регионального экономического блока, принципы и правила финансирования, торговли и инвестирования в котором будут отвечать интересам входящих в него государств, в первую очередь России, а не внешних держав.

Разглядят ли Соединённые Штаты эту перспективу, будут ли ей противодействовать? Вероятно, и увидят, и будут. Противодействие это, однако, не должно принять чрезмерно агрессивные формы, так как российские проекты создают угрозы лишь будущим американским прибылям в достаточно отдалённом и нестабильном уголке мира, причём в рамках правил игры, предложенных самим Вашингтоном. Военной же угрозы Соединённым Штатам действия России не создают, а наоборот, могут содействовать стабилизации довольно проблемного региона.

Успех российского проекта будет также означать укрепление позиции России в переговорах по реформе мировой финансовой архитектуры, торговле, климату, другим важнейшим вопросам. Воспримут ли США такое усиление российских позиций как нежелательное? Не обязательно. Если российская позиция по глобальным вопросам будет конструктивна, то наличие за ней дополнительных ресурсов и политического веса может оказаться даже полезным и для дела, и, в каких-то вопросах для Соединённых Штатов.

Список литературы

1. *Авдеева Д.А.* и др. Разработка модели долгосрочного прогнозирования основных макроэкономических показателей стран – участниц ЕЭП (Беларуси, Казахстана) и Украины. Центр развития НИУ ВШЭ. 2012 (http://dcenter.ru/science/DC_CIS_NIR_2012.pdf).
2. *Вишняков А.* Кто будет догонять Таможенный Союз? (<http://www.vrns.ru/analytics/758/#.UMhzxeR1HT0>).
3. *Клоцвог Ф.Н., Сухотин А.Б., Чернова Л.С.* Прогнозирование экономического развития России, Беларуси, Казахстана и Украины в рамках единого экономического пространства (<http://institutiones.com/general/1425-prognozirovanie-ekonomicheskogo-razvitiya.html>).
4. Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС. Евразийский Банк Развития. 2012 (<http://www.eabr.ru/general/upload/reports/Ukraine-resume.pdf>).
5. Постпред РФ при НАТО ответил на слова Клинтон о воссоздании СССР (<http://actualcomment.ru/news/51097/>).
6. *Путин В.В.* Послание к Федеральному собранию, 12.12.2012 (<http://www.rbcdaily.ru/2012/12/12/focus/562949985314962>).
7. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. 3.10.2011 (<http://izvestia.ru/news/502761#ixzz2Ep65v8We>).
8. *Axelrod R., Keohane R.* Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions // In: Cooperation under Anarchy / Ed. by K.F. Oye. Princeton, 1986. 246 p.
9. *Blake Robert O., Jr.* Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs, Washington. 25.03.2012. Interview with Al Jazeera TV (<http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2012/187005.htm>).
10. *Boh A.* Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // International Affairs. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 485-502.
11. *Buszynski L.* Russia's New Role in Central Asia // Asian Survey. 2005. Vol. 45. No. 4. P. 546-565.

12. Clinton Calls Eurasian Integration an Effort to 'Re-Sovietize'
(<http://www.rferl.org/content/clinton-calls-eurasian-integration-effort-to-resovietize/24791921.html>).
13. *Cohen B.* The Political Economy of Currency Regions // The Political Economy of Regionalism. Ed. by D. Mansfield, H. Milner.?? New York, 1997, P. 50-76.
14. *De Aenlle C.* That Bright Light May Be Deceiving // The New York Times. 8.01.2012.
15. *Deutch K.W.* et al. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, 1957. 228 p.
16. *Gardiner N., Bromund T.R.* Five Conservative Principles that Should Guide U.S. Policy on Europe. The Heritage Foundarion. Issue Brief No. 3524.
17. *Gleason G.* The Uzbek Expulsion U.S. Forces and in Central Asia // Problems of Post-Communism. 2006. Vol. 53. No. 2. P. 49-60; *Clover C.* Dreams of the Eurasian Heartland – The Reemergence of Geopolitics // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 9.
18. *Gowa J., Mansfield E.* Power Politics and International Trade // American Political Science Review. 1993. Vol. 87. P. 408-420.
19. *Krugman P.* Regionalism versus Multilateralism: Analytical Notes // New Dimensions in Regional Integration / J. De Melo, A. Panagariya (eds.). New York, 1993. P. 58-89.
20. *Lipsey R.* The Theory of Customs Unions: A General Survey // Economic Journal. 1960. Vol. 70. P. 496-513.
21. *Lundestad G.* «Empire» by Integration: The United States and European Integration, 1945-1997. New York, and Oxford: Oxford University Press, 1998. 260 p.
22. *Mankoff J.* What a Eurasian Union Means for Washington // National Interest. 19.04.2012 .
23. *Mansfield D., Milner H.* The Political Economy of Regionalism. New York, 1997. 280 p.
24. *Meade J.E.* The Theory of Customs Unions. Amsterdam, 1955. 121 p.
25. Nuland Victoria, Spokesperson. Daily Press Briefing. Washington. 11.12. 2012 (<http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2012/12/201811.htm#RUSSIA>).
26. *Nye J.S.* Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization. Boston, 1971. 210 p.
27. *Palan R.* Transnational Theories of Order and Change: Heterodoxy in International Relation Scholarship // Review of International Studies. April 2007. Vol. 33, Supplement, Critical International Relations Theory after 25 Years. P. 47-69.
28. *Viner J.* The Customs Union Issue. New York, 1950. 557 p.